

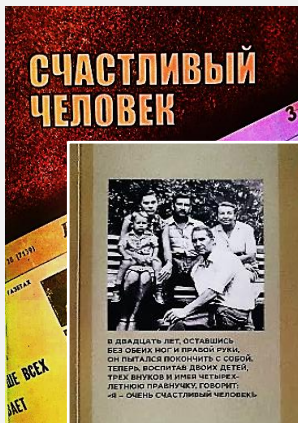
Никто не забыт и ничто не забыто...

БОЕВОЕ БРАТСТВО

Тольяттинский вестник

Литературное приложение

Периодическое издание Тольяттинского местного отделения Всероссийской общественной организации ветеранов «БОЕВОЕ БРАТСТВО»
К Выпускам № 4 и № 5 (27 и 28) – апрель 2022 года

Чекунов Сергей Павлович

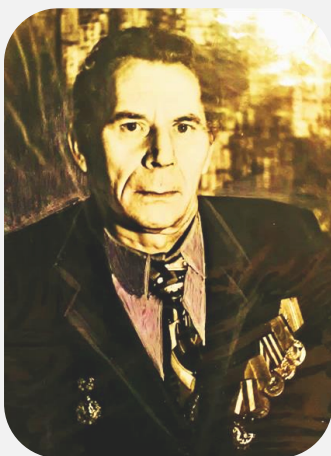
Данное повествование посвящается одному из воинов Великой Отечественной войны – Геннадию Николаевичу Кудрявенькову – лишившегося при выполнении боевого задания обеих ног и правой руки, но сохранившего в себе мужество и силу духа, что позволили ему любить и быть любимым, растить детей и работать, заниматься творчеством и жить полной жизнью...

(Материал, представлен в значительном сокращении).

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Литературно-документальный очерк

Ничего в этом мире не происходит случайно и я в этом всё более и более убеждаюсь, особенно сейчас, в зрелые годы. В каждой, на первый взгляд, случайности заключена определённая закономерность и жизнь совсем не просто так создаёт ситуации, которые позволяют набираться нам как жизненного опыта, так и житейской мудрости. И, оглядываясь на прошлое, понимаешь правильность слов Конкордии Антаровой из её книги «Две жизни»: «Никто тебе ни друг, никто тебе ни враг, но каждый человек тебе учитель...» И вот

о встрече с одним таким человеком я здесь и расскажу.

Осенью 1978 года, отслужив в армии, я вернулся домой, и уже в июле следующего года женился. Сначала мы с женой снимали квартиру у её знакомых. Но, естественно, не теряли надежду когда-то получить свою. Поэтому я уволился из локомотивного депо, где работал до службы в армии и куда вернулся после, и устроился на Куйбышевскую ТЭЦ. Конечно, я стал работать немного не по специальности и потерял в зарплате, но здесь возможность получения квартиры была более вероятной.

Так уж вышло, что в нашей маленькой группе «Защиты и электропривода» цеха «Тепловой автоматики и измерений» сложился дружный коллектив, который в обеденный перерыв или просто в свободное от работы время пристрастился к разгадыванию кроссвордов. И

однажды у меня возникла мысль – а почему бы и самому не попробовать их составлять, тем более, как известно, за публикацию в газете платили гонорар.

Я не знал сколько, но предполагал – рублей десять, по деньгам того времени. А это – почти десятая часть моей зарплаты. Решил попробовать. Составил кроссворд, отослал в нашу вечернюю газету. Вскоре получил ответ с критическими замечаниями и основными требованиями к составлению кроссвордов. Исправил, снова отослал – опять получил критический ответ. И так несколько раз. Наконец, в конце апреля 1981 года первый из кроссвордов увидел свет. Правда, в отличии от моих предположений, гонорар составлял примерно половину той суммы, что я ожидал. Но тем не менее, я уже увлёкся этим интересным занятием, повышающим кругозор, да и потом, пока я учился составлять кроссворды, у меня накопилось достаточно много рисунков для них – так называемых сеток кроссвордов, новых идей и несколько почти законченных работ. Их я также захотел опубликовать, не зря же делал. Ну, а если честно, я уже просто «втянулся» в процесс составления кроссвордов, придумывая интересные и необычные рисунки для них, и даже скоро стал составлять кроссворды для детей. С нетерпением ждал каждый субботний выпуск газеты «Волжская заря», в надежде увидеть свою новую работу. Так прошло полтора года.

И вот, как-то в начале октября, я открыл очередной субботний номер и, как говорят, не понял юмора. На последней странице был напечатан мой кроссворд, но под ним стояла информация, что составил его не я, а другой человек – некий Г. Кудрявеньков.

Как это так могло получиться? Причём, этот кроссворд был юбилейным для меня – десятым. Я помню, тогда ещё подумал: «Вот так подарок к юбилею!» Конечно было немного обидно. Столько работы и вдруг, на тебе – опубликовали, а оказалось – автор не я.

Позвонил в редакцию, мне обещали разобраться, но настроение было испорчено. Вскоре получил письмо с подробными объяснениями от корреспондента отдела Риммы Александровны Чумаш, которая признала ошибку и даже предложила сходить и познакомиться с тем человеком,

фамилия которого часто встречалась под напечатанными кроссвордами и договориться о возврате гонорара. (Кстати,

хочу отметить порядочность этой женщины. Чуть позже, где-то в январе, она исправила свою ошибку и повторила публикацию, но уже с

правильной фамилией автора). Вопрос о гонораре меня в то время уже волновал меньше, тем более, что он был скорее условным, но зайти к тому автору, хотя бы для того чтобы просто познакомиться, пообщаться и посмотреть на его способы работы, мне показалось нелишним. Адрес и даже телефон в письме был указан; автор жил недалеко от площади Куйбышева, на улице Чапаевской. И вот, недели через две-три, по пути в Политехнический институт, в который я в тот год поступил на заочное отделение, я решил посетить этого человека – Геннадия Николаевича Кудрявенькова.

Я быстро нашёл и дом и нужную квартиру на втором этаже. Позвонил. Стал ждать. Правда, я был готов к неожиданностям. В письме меня предупредили о том, что это человек необычной судьбы. Но такого, что я через мгновение увидел, я просто никак не мог предположить. Дверь открылась и передо мной, на уровне моих глаз... никого не было. Но внизу – на полу, на маленькой тележке, с одной левой рукой предстал хозяин. И всё... – только левая рука, ни правой руки, ни обеих ног не было!

Я не знал, как себя вести и что сказать. Возникло желание тоже наклониться и встать на корточки... Мы поздоровались и я прошёл за ним в комнату. Стараясь не показывать удивления и неловкости от встречи, боясь как-то ненароком обидеть, я сразу перешёл к общему для нас разговору о кроссвордах. Внутренне я был раздавлен. «Господи, ведь надо же именно к этому человеку у меня были и претензии и обиды». Стало ужасно стыдно за свои прошлые слова и мысли. Геннадий Николаевич показал свои новые работы и заодно познакомил меня с тем, как он рисует сетки кроссвордов. Он клал фанерку между сиденьем дивана и стулом, подъезжал под неё и левой рукой проводил линии, причём, этой же рукой придерживая и лист и линейку. Тут двумя то руками не получается ровно, а он одной, да ещё тушью. Видя моё удивление и чувствуя желание узнать о том, как так случилось, что ему одной левой рукой приходится не только выполнять работу двух рук, да ещё некоторые функции ног, он начал рассказ. Я слушал его не перебивая, изредка посматривая на фотографии, развешанные в комнате.

Из рассказа я узнал, что когда он закончил девятый класс и собирался учиться в десятом, началась война и он пошёл на завод. Так как его возраст пока не подходил под призывной (родился он 18 августа 1924 года), то в армию Геннадий Николаевич хотя и попал в 17 лет, но и то, после

многочисленных обращений в военкомат. Шёл 1942 год. Его направили в Саратовское военное пехотное училище, откуда через полгода он был определён в роту связи в укрепрайон под Курском. Как воевал связист рядовой Геннадий Кудрявеньков красноречиво говорит орден Красного Знамени, которым он был тогда награждён. Много раз за время войны ему – линейному отдельной роты связи, приходилось стремительными перебежками прорывался через густую зону обстрела, чтобы восстановить прерванную телефонную связь. Совсем близко рвались снаряды. Осколки со свистом пролетали над головой. Он проваливался в талый снег. Шинель и рукавицы были тяжёлыми от воды. Но окоченевшие пальцы не выпускали телефонного кабеля. Наконец, при обнаружении обрыва, без ножа, доставать его было просто некогда, зубами оголял провод и быстро соединял концы...

А однажды пришлось тянуть нитку телефонного кабеля через поле, усеянное сброшенными с немецкого самолёта минами-крылатками. Днём их хорошо видно, а тут линию надо

было восстановить ночью. Мины торчали под зелёными металлическими крылышками, совсем неприметные в траве и перепаханной взрывами почве. Но чуть заденешь – столб дыма и пламени вздымал поле. Так погиб его товарищ, связист... А когда придут сапёры – неизвестно.

«Что будем делать? – спросил у солдат, плотно прижавшись к земле, ефрейтор Малов, оглядевшись вокруг, – Думаю, надо искать проходы: мины сброшены в беспорядке, лежат как попало».

«Не годится, – возразил Кудрявеньков. – Заложим мы в эти проходы кабель, а нарушится связь, первый же, кто пойдёт её восстанавливать, подорвётся».

«А мы пометим опасные места флажками».

«А кто ночью их разглядит? – стоял на своём Геннадий. – Выход вижу один: надо расчищать коридоры».

Кто-то возразил: «Мы же не минёры».

«Значит, станем минёрами! – поддержал Кудрявенькова командир. – Случись обрыв, нам же и устрять».

Коридор решили «пробивать» простейшим способом: обнаружив мину, подрывать её и искать другую.

А для того, чтобы не подвергать риску всех, Геннадий сам осторожно привязывал конец свободного провода к mine, отходил подальше и дёргал за шнур. Мина взрывалась. Так он проделывал это с другой миной, третьей... Это было похоже на игру со смертью. Может быть, потому, что ему было всего девятнадцать, а смелости ни у кого не занимать, он с какой-то удалью взрывал мину за миной. Когда таким

образом были обезврежены десятка два мин, подожгли бикфордов шнур к очередному заряду.

Кудрявеньков, вместе с товарищами лежал в воронке и считал секунды до взрыва. Положенное время истекло, а взрыва всё не было.

«Неужели шнур погас?» – подумал связист. Предупредив товарищей, он достал зажигалку и побежал к mine. Шнур, однако, сгорел до конца. Геннадий осторожно приладил новый, поджёг его и метнулся в укрытие. И снова осечка. Трижды возвращался солдат к mine, и всё безрезультатно.

«Да брось ты её. Ясно, что теперь не взорвётся», – говорили друзья.

«А если всё же будет взрыв, – подумал Геннадий. – Значит ещё кого-то ждёт смерть? Отброшу-ка я её в сторону».

Кудрявеньков вернулся, осторожно подошёл к mine, потом решительно вырвал её из земли и метнул в сторону. В то же мгновение он ощутил резкий удар в предплечье и звон в ушах от осколка, ударившего по каске: мина разорвалась в воздухе.

Осколок застрял в правой руке. Так Кудрявеньков получил первое ранение. Геннадия отправили в медсанбат, но не долечившись, он снова вернулся в свою отдельную роту связи. А, по-другому, просто сбежал из полевого госпиталя. Боялся отстать от роты.

Как-то группе, в которую входил Геннадий, была поставлена задача – дать связь на Сандомирский плацдарм, что на западном берегу Вислы. Срок – жёсткий, а плавсредства какие? Нашли только дырявую лодку. Но как прокладывать кабель? По дну? А вдруг где-то изоляция нарушена. Решили – повесить кабель на шести. Висла – река с быстрой водой, вогнать шест в дно так, чтобы держался надёжно, даже с неподвижной лодки – нелегко. Шестов надо поставить десятки, и каждый раз лодку против течения удерживать вёслами, натягивая кабель над водой... Семь потов прошибёт и в спокойной обстановке. А какая уж тут «спокойная»: немцы заметили лодку, открыли по ней огонь из орудий и миномётов. Но Геннадий и его товарищи задание выполнили в срок.

А вскоре, после этого, командир роты капитан Сычёв неожиданно вызвал к себе Геннадия.

«Ну, солдат, выручай. Уверен в тебе, знаю, что только ты сможешь пробраться в этот ад».

Говоря так, капитан не преувеличивал. Кудрявенькова в роте недаром называли «ужом»: умел он без усталости скрытно ползать по-пластунски, находить безопасную дорогу даже в самых гиблых местах. А таким местом стал весь Сандомирский плацдарм, где жестокие бои не прекращались ни днём ни ночью, простреливался каждый участок территории. После одного из боёв линия связи между соседними частями оказались перебитой.

Восстановить её капитан Сычёв и послал Кудрявенькова.

«Будь предельно осторожен, – напутствовал он солдата. – Сам знаешь – двое там уже полегли...»

Когда связь была восстановлена, и Геннадий вернулся в своё расположение, командир поблагодарил его и приказал отдыхать. Но прилечь солдату не удалось: связь снова прервалась, и Кудрявеньков опять пошёл на поиски повреждения.

Три дня «утюжил» он животом землю, отыскивая разрывы, наращивал провода, соединял линию. Боец знал уже каждую воронку, попадавшуюся на пути, каждый холм, каждую впадину. К этим укрытиям и старался подтянуть концы проводов, чтобы во время работы можно было повернуться хотя бы на бок. На третий день его подстерегла неожиданность. На нейтральной полосе он увидел повозку с солдатскими посылками. Рядом с ней лежали мёртвый возница и убитые лошади.

«Задела, наверное, возницу шальная пуля, а лошади, потеряв управление, вынесли на «нейтралку» и угодили под снаряд», – подумал Кудрявеньков, минуя неожиданную преграду.

«Дяденька, помогите!» – услышал он слабый голос. Присмотревшись, Геннадий заметил на земле юного бойца, спрятавшегося за лошадь. Осторожно подполз к нему.

«Ты как здесь оказался?» – спросил связист.

«Я в хоззведе служу. Посылки для вас на передовую везли, да сбились с дороги. А потом и ефрейтора убило, лошади и понесли. Не успел я вожжи перехватить, как Карюху сразила пуля. А потом и Гнедко упал. Видно, снайпер где-то прячется».

«Подожди, проверим».

Кудрявеньков взял винтовку ефрейтора, надел на её штык каску.

«По моей команде приподнимешь над лошадью!» – приказал связист, а сам укрылся за колёсами повозки.

«Поднимай!» – И едва каска появилась над укрытием, как по ней тут же цокнула пуля. В то же мгновение на дереве, в лучах предвечернего солнца, сверкнуло стекло оптического прицела. Кудрявеньков рассчитал расстояние, перевёл на своей винтовке хомутик прицельной планки к указателю триста пятьдесят метров, крепче припал к прикладу и снова скомандовал:

«Поднимай!»

На этот раз два выстрела прозвучали в одно мгновение. Одна пуля вновь угодила в каску, вторая, посланная Кудрявеньковым, настигла врага. Связист хорошо видел, как с сосны сорвался фашистский снайпер и, задев ветки, закувыркался к земле.

«Ну вот и дострелялся, – сказал Кудрявеньков. – Это ему за наших ребят расплата».

На узел связи Геннадий Николаевич вернулся вместе с мальчиком. А командир роты написал рапорт о представлении связиста Кудрявенькова к ордену.

Так и прошёл он все трудности и тяготы военного лихолетья, в боях под Курском, Жлобином, Гомелем, в Польше, даже не предполагая, что самое тяжёлое испытание для него придётся уже на конец войны.

В 1944 году в Восточной Пруссии, под Данцигом (ныне польский город Гданьск) послали Геннадия с товарищами тянуть линию связи в соседнюю дивизию. Расстояние – километров пятнадцать. Погрузили катушки с кабелем на конную повозку. Где-то на втором километре вышли на железную дорогу, она лежала как раз в заданном связистам направлении, а на телефонных столбах, вдоль дороги, местами сохранились провода. Связисты проявили солдатскую смекалку – присоединялись к проводам на столбах и следовали до ближайшего обрыва. Телефонного-то кабеля не хватало, поэтому порывы соединяли телеграфным. Собирая куски кабеля, передвигались на подводе, всматриваясь вверх на столбы и провода.

И, вдруг, случилось страшное – подвода наехала на противотанковую мину. Взрыв разметал всех. Из пяти солдат один погиб сразу, второй тоже вскоре умер, двое других были тяжело ранены. Когда после взрыва Геннадий Николаевич очнулся, то не сразу понял и осознал весь ужас случившегося: правой руки не было, правая нога перебита в трёх местах, левая – ранена. Когда Геннадий в горячах попытался встать – адская боль пронзила тело. Он снова потерял сознание. Только через тринадцать часов, истекающих кровью солдат, обнаружил проезжавший мимо поляк...

Советская Армия – освободительница, уже гнала фашистскую нечисть с польской земли, когда родные Геннадия Николаевича получили в волжском городе Куйбышеве тяжёлую весть о смерти сына и брата. Фронтовые друзья, отсылавшие её в горячую пору 1944 года, не знали, что ошиблись. После того взрыва они принесли связиста Кудрявенькова в полевой медсанбат без видимых признаков жизни. И, навсегда распрощавшись с боевым другом, поспешили на передовую, вслед за частями, перешедшими в решительное наступление.

А мать и сестра Кудрявеньковы, жившие в городе Куйбышеве, получили в сорок четвёртом году тяжёлую весть и не одну. *«Ваш сын и брат, Геннадий Николаевич Кудрявеньков пал смертью храбрых, защищая Родину от фашистских захватчиков. Но он остался с нами в боевом строю. Его мужество и несгибаемая стойкость вдохновляет нас на ратные подвиги и мы*

жестоко отомстим врагу за нашего друга и боевого товарища!» – писал командир взвода, в котором служил Кудрявеньков – старший лейтенант Пронин. *«...Мария Брониславовна и Вера Николаевна, как ни тяжело мне это, но должен Вам сообщить, что Геннадий умер у меня на руках. Вместе с Вами горько переживаю эту тяжёлую утрату. Мужайтесь и верьте, что победа близка. За неё и за правду на Земле отдал Геннадий свою жизнь...»* – это писал прошедший вместе с Кудрявеньковым по всем дорогам войны его боевой товарищ, земляк, однокашник – Александр Давыдов. И добавлено: *«...Я бывал у вас до войны, мы с ним из 3-й школы. До свидания! Надеюсь, увидимся. 1944 г. Март. Польша.»*

...Эти письма хранятся в семье Кудрявеньковых потому, что они не были ложными, они были правдивыми от первого, до последнего слова. Ведь связист Кудрявеньков действительно умер, умер на глазах этих людей, когда с перебитыми и ранеными ногами, без правой руки, в состоянии клинической смерти, доставили они его в полевой медсанбат.

А здесь в битву за жизнь отважного воина, вступили медики. Они сделали всё возможное и невозможное для спасения связиста. Им удалось вывести его из состояния клинической смерти, день и ночь они боролись за восстановление здоровья воина. И он вернулся к жизни, всем смертям назло... Солдатский салют в честь долгожданной Победы он услышал, когда лежал в госпитале под Берлином.

Там он провёл полтора месяца. Позднее было ещё не менее десятка госпиталей. Ноги сберечь не удалось – ампутировали. Перед солдатом встал вопрос – «Как жить дальше? Что делать?» День и ночь болела душа и ничего не могло заглушить эту боль. Да это легко было понять любому, достаточно только представить то, что совсем недавно ты был полноценным человеком и вдруг – у тебя только одна левая рука. И это не на неделю, не на месяц – навсегда! Навсегда у молодого человека, которому только двадцать лет! «Как быть? Как я теперь буду жить?» – задавал себе вопросы Геннадий и не находил ответа. А тут ещё подлил масла в огонь один человек, навещавший соседа по палате: «Кому ты теперь нужен... Я бы на твоём месте повесился. Вон у тебя сколько бинтов...» И эти неосторожно и неуместно сказанные слова глубоко запали в воспалённый мозг солдата. «А может смерть – действительно самый лучший исход?» – думал он.

И однажды ночью, в период отчаяния, он размотал свои бинты, завязал их за спинку кровати, сделал петлю и бросил своё израненное тело на пол. Но судьба не позволила уйти ему из жизни. Грохот упавшего тела разбудил соседа по палате, который позвал всех, кого мог. Его подняли с пола почти без сознания.

Сбежался почти весь медицинский персонал, во главе с начальником госпиталя, который сказал просто и, как показалось, с презрением: «И это всё, что можешь сделать? Я думал, ты солдат, а ты...» – махнул рукой, и, со слезами на глазах, ушёл.

Слова пожилого доктора больно задели. Ему тогда в первый раз стало стыдно своего малодушия. Он поклялся самому себе, что нет, не всё кончено, он ещё поборется, останется на переднем крае!

А вскоре доктор познакомил его с рассказом корреспондента «Красной Звезды» Василия Ильенкова «Воля» и материалами из «Дневника полёта 3-й эскадрильи» репортёра газеты «Правда» Бориса Полевого, вошедшие в дальнейшем в книгу – «Повесть о настоящем человеке». Очень благодарен был Геннадий Николаевич её автору, который заставил его ещё раз устыдиться своей слабости. И по его словам, по прочтении этих статей, а книги, у него вдруг появилась такая жажда жизни, что просто не передать словами...

С отчаянным упорством начал он тренировать свою единственную – левую руку. Жить? Так, жить!

Геннадий, скуки ради, вспомнив своё школьное увлечение, стал пробовать рисовать левой рукой. Получалось плохо. Сначала ему было смешно, потом обидно, а потом он разозлился и решил: «Всё равно научусь!» Однажды лечащий врач, заметив его успехи, попросил Геннадия перерисовать из учебника схему нервной системы. Геннадий отнёсся к просьбе всерьёз, «заказчик» остался доволен и попросил увеличить ещё один рисунок. Потом с такими же просьбами, стали приходиться к Геннадию другие врачи. Скоро ему уже не хватало времени выполнять все заказы: кроме учебных пособий, он рисовал плакаты, оформлял стенгазеты. Трудился и день и ночь и заодно тренировал левую руку. Начальник, увидев такое рвение к работе и саму работу даже приказал выдать ему зарплату в 900 рублей. Кстати, и в дальнейшем, любое пребывание в госпитале (а прошёл он тринадцать госпиталей, пока вернулся домой), не ограничивалось лечением, обследованием и лежанием на больничной койке – каждый раз рисовал и писал для врачей и больных. Словно некая фантастическая сила обуяла его желанием жить, жить и жить назло всем болям, потерям и несчастьям.

В подмосковный госпиталь города Ногинска Геннадий Кудрявеньков попал спустя полтора года после ранения. Ещё одна палата, новые лица. Геннадий поймал на себе внимательный изучающий взгляд серых глаз. Медсестра мягко спросила, нужно ли ему что-нибудь. Он отрицательно покачал головой и подумал: «Красивая девушка. Интересно, как она будет

разговаривать, увидев меня укороченным напополам?»

Медсестру и всех больных в палате новичок удивил в первое же утро. Он раньше других сделал зарядку. Отказавшись от услуг няни, аккуратно убрал свою постель, передвигаясь на маленькой тележке. Пустой правый рукав нижней рубашки и штанины пижамных брюк старательно заправил и приколот булавками. Няня принесла ему в палату воду и тазик. Но он, прихватив с собой мыло и зубной порошок, на низенькой тележке отправился в умывальник. Облился по пояс холодной водой и принялся энергично растирать полотенцем широкую, играющую мускулами грудь. Во всём старался быть самостоятельным и строгим к себе, словно продолжал нести солдатскую службу. И никому не прощал грубости, чванства, распушенности. В этом убедились все в палате после такого случая.

Няня пришла сменить постельное бельё одному больному. Тот лежал поверх одеяла и читал книгу. Перелистывая страницу, грубо ответил пожилой женщине: «Подождёшь».

Геннадия передёрнуло. Он подъехал к нарушителю порядка и, прежде чем тот успел приготовиться к схватке, перекинул его на другую кровать. Потом сказал спокойно:

«Меняйте постель, нянечка».

Дни шли за днями. Выписывались из госпиталя вчерашние солдаты, которым ранение не помешало вернуться к прежнему труду. Геннадий с завистью провожал их. Сам он ещё не знал каким делом займётся в будущем. Но ему хотелось уже сейчас приложить к чему-то свою руку. Он починил сломанные стулья, исправил дверной замок, отремонтировал аппарат в процедурном кабинете.

Первые дни вселили уверенность: он ещё сможет быть полезным. Это настроение Геннадий передавал в своих рисунках. Карандашом он работал часами и не только для того, чтобы тренировать руку. Рисование было его любимым занятием. Однажды он обнаружил в своей тумбочке коробку карандашей. Откуда они взялись? И вдруг, у него даже дух захватило от догадки. Ну, конечно, это Зина, сероглазая медсестра! Отношение больных к ней было особенное. Народ в их палате подобрался разбитной, кое-кто допускал словесные вольности. Но появление Зиначки заставляло даже отъявленных балагуров держать язык за зубами. И не потому, что она была слишком строга. Уважали её за душевную теплоту, живое участие к каждому больному. Улыбающаяся, в белоснежном халате, она словно вобрала в себя все светлые краски и щедро излучала их. Геннадий замечал в её взгляде необычайный интерес ко всему, что он делал. И его охватила ещё большая жажда деятельности.

Он с радостью взялся за оформление стенной газеты. Такого в их отделении ещё не

бывало. Кудрявеньков писал лозунги и плакаты, которые украшали госпиталь. А в перерыве между дежурствами Зины рисовал её портрет. Геннадий ещё не пытался анализировать свои чувства. Заставил его это сделать разговор с товарищем.

«Хочу тебе сказать, как другу, – начал тот степенно, – тут один старший лейтенант хотел жениться на Зиначке. Отказала. А парень хоть куда, и ранение лёгкое. Ну, подумай сам, станет ли связывать себя с инвалидом девушка, на которую такие орлы зарятся?»

Горькие, как полынь слова, перевернули душу. «Неужели это любовь? – с тревогой спрашивал себя Геннадий. – Имею ли я право давать волю своему чувству? Ну что из того, что она к тебе внимательнее, чем ко всем остальным? При твоём положении и её сердечности нетрудно вызвать у неё обычную человеческую жалость».

Вечером он отказался пойти на лекцию «О любви и дружбе».

«Почему вы не были на лекции? – поинтересовалась позднее Зина. Ведь вы, обычно, ни одну не пропускаете?»

«Тема не подходящая», – угрюмо ответил он. Девушка шутливо схватила его за чуб, потом аккуратно поправила смятые волосы и легонько ударила по затылку: «Бить вас надо».

А у него такое ощущение, будто выросли ноги. Вот встанет сейчас и пойдёт, нет – побежит! И как-то сами собой родились стихи о горячей любви к девушке в белом халате, о своих надеждах и сомнениях.

*«Тебя я встретил, но в моей ли воле
Твою судьбу с моей соединить?
Любить дано мне право, но дано ли
Такое право – и любимым быть?»*

Зина увидела их на тетрадном листке под книжкой на его тумбочке. Внимание девушки привлекло её имя. Любопытство взяло верх. А в следующее своё дежурство она передала ему ответ, тоже в стихах, первых в её жизни.

*«Не торопись в принятии решений,
А крепко верь в свою мечту всегда,
И если есть любовь, то без сомнений
Ты не теряй надежды никогда...»*

Геннадию хотелось сделать для своей любимой что-то необыкновенное. Но что? Говорят, появились подснежники. И его осенило. Несколько дней подряд он сидел за пальцами. Потом с гордостью подарил Зине вышитые своей рукой на полотне первые весенние цветы. Любовь и весна! Во всей вселенной нет союзников сильнее. У Геннадия Кудрявенькова это была 21-я весна. Нерастроченная энергия неудержимо рвалась наружу. Во дворе госпиталя были свалены дрова. С мальчишеским задором Геннадий потрянул кудрями: «Давайте, братцы, на кухню перетаскаем. Поупражняемся!» К удивлению всех, он взвалил увесистое полено на правое плечо и, придерживая культей, поехал к кухне, отталкиваясь от земли

левой рукой. С шутками и смехом товарищи последовали его примеру.

Геннадий старался не думать о будущем расставании с Зиной. Но час этот пришёл. Его перевели в госпиталь для протезирования.

Вот уже несколько дней Кудрявеньков в другом госпитале. Зина обещала приехать в День Победы. Он ждал её, устроившись возле подоконника. В его тумбочке лежали приготовленные для девушки сладости. А в банке – букет ландышей. Каждый раз, когда открывалась калитка, он весь напрягался: она или не она? Подходили товарищи, будто бы прикурить, и тоже безмолвно наблюдали за воротами. Для каждого из них, искалеченных войной, приезд Зиночки был ответом на мучительный вопрос и о своей судьбе.

Сгустились сумерки. Расплылись очертания ворот. Из зала доносилась музыка – там проходил праздничный концерт московских артистов. Геннадий не отходил от окна. Заломило кости от долгого неподвижного сидения. Во рту горечь от табачной копоти. А в сердце непроходящая тревога: что могло её задержать?

Стуча костылями, уже возвращались с концерта товарищи.

«Ложись-ка лучше спать, дружище», – произнёс сочувственный голос.

И, вдруг, со злостью: «Поиграла малость в благородство, и хватит».

«Да, брат, наша песенка спета», – добавил другой.

Кудрявеньков покачал головой, но ничего не сказал.

Постепенно всё замерло, Госпиталь погрузился в сон. Только уныло скрипели в пустом коридоре колёсики под тележкой Геннадия и поднимались кверху седые облачка табачного дыма.

...А случилось вот что. Мать не хотела отпускать Зину к Геннадию. Заперла дверь на ключ и караулила дочь до тех пор, пока не ушёл последний поезд на Москву. Потом загремела на кухне посудой. Зина – к двери. Заперта. Тогда она выпрыгнула в окно и побежала к шоссе. До Москвы добиралась на попутных машинах. Успела вскочить на последний пригородный поезд. В городе непроглядная тьма. Найти госпиталь ночью в незнакомом месте было нелегко. Но вот и калитка. И тут она услышала знакомый, радостно взволнованный голос Геннадия: «Зина, я верил, что ты придёшь!..»

Человеку, опрокинутому навзничь жестоким ударом судьбы, нелегко подняться и снова занять своё место в жизни. Но когда ты чувствуешь поддержку друзей, когда ты молод и с тобой любовь, ты преисполнен горячего желания делать всё, чтобы не остаться в стороне от жизни, за которую сражался и пролил свою кровь. Жить! Жить! Оправдать любовь Зины!

Мать же Геннадия, получив извещение о ранении сына, а по сути – известие о том, что он жив, в тот же день отправилась к нему в госпиталь, готовая взвалить на свои плечи всю беду сына и всю заботу о нём.

Войдя в палату, она бросилась к Геннадию. А он, прижимая её к себе одной рукой, говорил: «Мамочка, не плачь, Родина меня не оставит. И теперь я жить хочу. И буду я не один – у меня есть Зина». И тут мать увидела, что у койки Геннадия стоит, утирая слёзы, молодая и красивая женщина в белом халате – медицинская сестра. «Да, – говорит Зина, – всё так и будет, верьте Геннадию, верьте мне. Я привезу его в Куйбышев. Я люблю его...»

А вскоре, после его выписки, несмотря на возражения своей матери, они поженились. Мать Зины даже обращалась в церковь, к местному батюшке, с просьбой образумить свою дочь, на что мудрый священник ответил: «Бог ей воздаст...» И его слова оказались пророческими.

Уже позднее, навещая молодожёнов, теща Геннадия Николаевича не раз с удивлением и восхищением восклицала: «Зинка-то моя, как барыня живёт!» А «барыня» действительно на службу не ходила, потому что ждала ребёнка, но хозяйство, конечно, вела. А пока бегала по магазинам, Геннадий Николаевич ловко управляя своей низенькой тележкой, успевал помыть посуду и полы, прибрать в квартире.

Здесь надо сказать, что и у самого Геннадия Николаевича после возвращения к жизни и долгих-долгих госпитальных дней, было ещё немало тяжёлых моментов. Казалось бы, ранения навсегда лишили его радости труда, оторвали от жизни общества. Он же не желал для себя никаких скидок, хотел работать.

И когда с таким настроением Геннадий вместе с Зиной в 1947 году приехал в родной город на Волге, в Куйбышев, он сразу же столкнулся с серьёзными трудностями. Его не принимали на работу: не верили в его трудоспособность.

«Какая работа! Государство о тебе заботится – отдыхай, лечись», – отвечали Кудрявенькову везде, куда бы он не обращался. А он всё «стучал» в новые и новые двери. Лишь после вмешательства райкома партии, Кудрявеньков устроился контролёром в артель имени Гастелло. (на картонажную фабрику). Контролёру чего мудрствовать. Неплотно подогнана крышка к коробке – в сторону. Так проработав полгода бракёром в картонажном цехе, он, наблюдая за работой других, стал им подсказывать:

«Не совсем расчётливые у вас движения. То же самое можно делать легче и быстрее. Давайте покажу. И, действительно, получалось лучше».

Конечно, роль работника ОТК не удовлетворяла деятельный характер Кудрявенькова, и уже вскоре Геннадий Николаевич

сам научился одной левой рукой делать упаковочную тару и перешёл трудиться в цех, а уже через год стал раскрашивать игрушки. Работал он с удовольствием, истово, гордый сознанием, что в своём положении не стал никому обузой и может работать. Однако, ему стало трудновато ездить на работу, особенно зимой, в метели. Тогда Геннадий оборудовал себе рабочее место в квартире. Вместе с ним стала работать и Зина.

Конечно, сначала было очень трудно и на приобретение навыков в выполнении простой операции ушло много мучительных дней, пока появились первые поблескивающие свежей краской «птички». Сначала пробовал работать кистью, привязанной к культе правой руки. Дело продвигалось медленно. Тогда приспособил протез с двумя металлическими пальцами. От неподвижности будто наливался свинцом позвоночник. Геннадий с трудом распрямлял спину, делал гимнастику и продолжал красить. А через месяц к нему пришли из артели. Он сидел на своей тележке за табуретом, который служил ему рабочим столом.

«От вас поступает всё больше продукции, – сказали ему. – В артели кое-кто не верит, что вы работаете самостоятельно».

Кудрявеньков усмехнулся: «Что ж, понаблюдайте...»

Члены комиссии, не отрываясь, следили за его ловкими, точными движениями. Через полчаса вокруг табурета был уже целый «птичий двор».

Геннадий придумывал новые тона и оттенки для игрушек и от души радовался удачному подбору.

А вскоре к нему пришла, не похожая ни на какую другую, радость – он стал отцом. К удивлению жены, он как заправская нянька, пеленал крохотную Наташку. С незнакомым ему чувством, большим, чем нежность, брал к себе дочурку и вёл с ней нескончаемый разговор, понятный лишь им двоим. Рабочее место пришлось перенести в коридор, возле окна. Здесь всё время толпились мальчишки и девчонки, с восхищением наблюдавшие за его священнодействиями. Он просто не представлял себя без этой привычной кисти, без этих игрушечных лошадок и забавных поросят, от которых приходили в восторг его маленькие соседи.

Итак несколько лет одна из комнат в их большой квартире служила супругам Кудрявеньковым мастерской. Здесь всегда пахло клеем и красками, здесь на стеллажах стояла

готовая продукция. В папке у Геннадия хранилось уже с десяток почётных грамот – наград за труд.

И вдруг, как удар в спину: игрушечный цех ликвидируется.

У Зины тоже было тяжело на душе, но она сказала ободряюще: «Ничего, Геша, что-нибудь придумаем. Всё будет хорошо!» Геннадий Николаевич принадлежал к тем людям, которые всюду стремятся оставить свой добрый след. Ещё работая художником, в цехе очень оживилось производственное помещение, когда в нём появился нарисованный красками большой портрет Ленина.

Способности его заметили уже тогда и предложили сотрудничать в рекламной мастерской. И вот именно сейчас он и решил воспользоваться этим предложением. Заказов на художественно-оформительские работы было много, и Кудрявеньков по вечерам с головой уходил в любимое дело.

В мастерской писали рекламы. И здесь его

снова ждали жесточайшие испытания. С невероятным трудом вырезал он листы железа, очищал их от ржавчины наждачной бумагой и кирпичом. Работал

до кровавых мозолей на пальцах. Рука уставала так, что трудно было ею пошевелить. До испарины корпел над десятками ажурных трафаретов. Боясь в этой ювелирной работе лишнего движения, с предельной осторожностью водил скальпелем по бумаге. Не легче было наносить краску на железо. Она стекала под трафарет. Приходилось по нескольку раз переделывать. Но упорство, умение принаравливаться к любым сложностям, помогли ему овладеть тайнами искусства художника-рекламиста. Из-под его кисти выходили со вкусом оформленные рекламы с яркими рисунками. В одном грешил: все женские лица получались похожими на лицо Зины. Тут уж ничего не мог с собой поделать, как ни старался.

В заказах недостатка не было. Приходилось задерживаться допоздна. И тогда в любую погоду в мастерской с хозяйственной сумкой появлялась Зина: «Я тебе покушать принесла». И как будто не было позади невероятно напряжённого дня. С новым приливом сил он брался за незаконченные плакаты.

Возвращаясь из мастерской в мотоколяске, Геннадий не мог отказать себе в удовольствии полюбоваться на свою очередную работу – новую рекламу, украсившую ещё один уголок родного города. На фоне силуэтов завода, пастбища, колхозной фермы – девушка с таким знакомым

улыбающимся лицом. Она показывает сберегательную книжку. А едва он въезжал в ворота своего дома, весь двор оглашался дружным хором: «Здрав-ст-вуй-те, Ген-на-дий Ни-ко-лае-вич!» Ну, конечно, это ребята из третьей школы, где он сам учился до войны. Один из пионерских отрядов носит его имя. Вот он, голосистый, почти весь в сборе. Ребятишки подбегали к Геннадию Николаевичу, приветливо махали ему руками. Кудрявеньков выключал мотор и шуточно хватался руками за голову: «Ой, ребята, я ещё не закончил эмблемы, но скоро сделаю».

Рисунок эмблемы он придумал сам и изготовил его для отряда. И вот в полном составе к нему явился совет дружины с горячей просьбой сделать такие же эмблемы для всех пионеров. Задание не из лёгких. И всё свободное время, иногда за счёт сна, Геннадий Николаевич отдавал изготовлению этих эмблем.

Но на этот раз «кудрявеньковцы» пришли совсем по другому делу. Они готовились к какому-то особенному отрядному сбору, и он, Геннадий Николаевич, конечно должен принять участие, как всегда, да чтобы не забыл одеть ордена и медали.

Ребята шумно исчезли за воротами, а он, не выходя из коляски, смотрел им вслед. Лицо становилось серьёзным. Эмблемами он сегодня, пожалуй, заниматься не станет: куда важнее потрудиться над стенной газетой для их этого «особенного» сбора. Он уже это делал не раз к радости пионеров из третьей школы.

Ещё сам обучаясь в этой школе до войны, Гена Кудрявеньков выделялся среди своих товарищей особой жизнерадостностью и, в то же время, серьёзностью. Восприимчивый и смелый, начинающий поэт и художник, верный друг и активный общественник – таким он был тогда.

Вот и сейчас Геннадий не замыкался в семейном кругу. Несколько лет назад когда он связался со школой, где ранее учился и взял шефство над одним из первых классов. И все десять лет, пока ребята учились, был для них старшим другом. Рассказывал ребятам о войне. Беседовал с теми, кто плохо занимался. Помогал ребятам выпускать стенгазету, делал заголовки, рисунки, а общение с детьми привело к желанию

писать для них стихи. Да и не только стихи...

Ни у кого в школе не было таких красивых нагрудных значков, как в этом классе. Геннадий делал их для своих подшефных к началу каждого учебного года. Ребята любили своего шефа, приглашали на все торжественные классные мероприятия, а в праздники приходили к

нему домой, поздравляли, приносили подарки. Даже когда они уже окончили школу, и стали студентами или рабочими, по праздникам навещали своего Геннадия Николаевича. (протезы позволяли принимать студентов). И не только ребята любили бывать в этом доме – ухоженном, уютном, гостеприимном. Многие соседи и друзья находили повод зайти к ним, подмечая, какими тёплыми глазами смотрели друг на друга Геннадий и Зина. Здесь и просто посидеть, помолчать с ними – хорошо. Или вместе послушать песни. Его любимая – «Я люблю тебя, жизнь!»

Много у людей разных призваний. Но нет выше и благороднее призвания – творить добро. С этого начинается подвиг. И этому высокому призванию отдал всю свою большую душу Геннадий Николаевич Кудрявеньков – кавалер орденов Красного Знамени и Отечественной войны первой и второй степеней, многих боевых медалей. Они свидетельствуют о ратных подвигах, о ком по праву можно сказать: «дважды родившийся!» Его хорошо знали на местном протезно-ортопедическом предприятии. Его работники – будь то главный инженер предприятия – Борис Соломонович Кроль, главный врач – Ирина Ивановна Лобанова, врач – Екатерина Ивановна Лавочкина или методист лечебной физкультуры – Елена Георгиевна Алексеевна, повидали много людского горя, но не переставали удивляться мужеству своего пациента. Ведь по их просьбе инвалид I группы Кудрявеньков не раз воодушевлял здесь многих в минуты отчаяния, личным примером показывал, на что способна воля. Многим запомнились его доверительные беседы с инвалидами в стационаре Куйбышевского предприятия. И ему верили. А его девиз – «Для человека нет ничего страшнее, чем бездеятельность» – становился правилом жизни для многих. Да и как можно не поверить человеку в полной мере испытавшему горечь от сознания собственного бессилия и, несмотря ни на что, вернувшегося к людям, к труду!

«Если бы в те годы, когда я остался без руки и ног, были такие условия для протезирования, которые нам созданы сейчас, то, откровенно говоря, легче бы перенёс своё увечье», – говорил Геннадий Николаевич на одной из конференций для протезирующийся инвалидов, что регулярно проводились в Куйбышевском объединении для пропаганды новых протезных изделий.

«Тогда я и представить не мог, что человек, потерявший обе руки, может встать к чертёжному кульману. А вот ведь у нас, в Куйбышеве, на одном из заводов трудится мой знакомый, у которого нет обеих рук. Но биоэлектрические протезы позволили ему проектировать новые станки и механизмы, совершенствовать сложные технологические процессы. Или другой пример: в трудовом строю остался инспектор одного из

торговых организаций города, так же потерявший обе руки. Мало того что он самостоятельно обслуживает себя, но и успешно справляется со своей нелёгкой работой.

Кудрявеньков всегда восторженно рассказывал инвалидам о том высоком уровне, которого добилась наука и практика протезирования в нашей стране, о помощи им со стороны Советского государства. Всё это – ещё одна грань деятельности Геннадия Николаевича:

он стал живым примером для тех, кто чуть было не потерял веру в себя, усомнился в своих силах. В воспоминаниях директора протезного завода сохранился такой эпизод.

«...Как-то Геннадия Николаевич лежал в стационаре при заводе: ему делали новые протезы. Как раз в то время в стационар

поступила молодая женщина, лишённая, как и он, обеих ног и правой руки: под поезд попала. Состояние женщины понять нетрудно: плачет, убивается, на что, мол я теперь гожусь, ни обеда сварить, ни полов помыть. Понятно, она была потрясена своим горем. На все попытки заговорить с ней отделялась молчанием или односложными «да», «нет». Тогда Кудрявеньков взял у няни ведро, принёс воды, взял тряпку и передвигаясь на своей маленькой тележке, принялся левой рукой проворно мыть пол в той палате, где лежала Лида (так звали молодую женщину). Весь стационар собрался смотреть. «Моет, а сам шутит: «Намного легче, чем здоровым, не надо нагибаться, спину ломать...» Лида сначала не верила своим глазам, а потом даже заулыбалась. А он, помыв полы, подъехал к шведской стенке и на одной руке стал подниматься к самому потолку. Восхищённому удивлению женщины не было предела. Она словно бы ожила. Обратила внимание на боевые награды Кудрявенькова, поинтересовалась, за что он их получил. И рассказал ей бывший фронтовик о тяжёлых днях войны, о том, как он победил смерть. А уже в дальнейшем, встречаясь с ней, он ещё научил её писать левой рукой и показал, как чистить картошку.

А покидая стационар, напутствовал её такими словами: «Вот так-то, Лида. Жизнь – самое дорогое, что есть у человека. За неё надо бороться, бороться даже тогда, когда кажется, что уже нет выхода. И ты, поверь мне, ещё будешь и работать и радоваться жизни, только не раскисай, не расслабляйся, а люди тебе помогут!».

Любовь и нежность Зинаиды Ивановны окрыляли его, давала ему силы и хранили все его годы.

«Я старался оправдать её доверие, – признавался Геннадий Николаевич. Он не прекращал свою работу никогда. Даже когда ему стало трудно добираться на работу в рекламное агентство, где, к слову сказать, иногда и приходилось задерживаться допоздна, а то и ночевать в мастерской, он в 1953 году вернулся на картонажную фабрику. На ней он проработал более 40-ка лет оставаясь при этом постоянно передовиком производства.

А со временем он сделал лодку, начал

рыбачить, и даже научился плавать. Они ездили с женой за грибами, ходили в театр и кино. Широко и разнообразно был круг интересов этого человека. Иной двурукий и двуногий не сумел бы выполнить и десятой доли того, что делал израненный солдат. Увлекался Геннадий Николаевич радиоделом – собирал радиоприёмники, а при ремонте дома, сам перебирал полы. А также умел фотографировать и даже вышивать. Например, гладью вышел портрет жены. А о его умении великолепно рисовать уже говорилось выше. В его доме хранилась искусно выполненная копия картины Перова «Охотники на привале» и портреты родных и близких, нарисованные Геннадием Николаевичем. Своим детям: Наталье и Андрею мастерил карнавальные костюмы и игрушки, когда они были маленькими.

Эти способности могли составить честь

каждому человеку, а к Кудрявенькову они вызывали особенное уважение. Ведь всё это он делал одной левой рукой. А позднее, уже внукам

придумывал игры и забавы. Часто делился ими в газете «Волжская заря» на страничке «Зорька». Там же, в номерах вечерней газеты «Волжская заря», время от времени печатали и кроссворды Геннадия Николаевича, составлением которых он стал заниматься. Ну, если обдумать кроссворд, написать вопросы для него было уже привычным делом, но чтобы точно нарисовать сетку нужно было проявить не только особое старание и желание, но и незаурядную смекалку и мастерство.

Для чего приходилось делать импровизированный стол, из доски между сидением дивана и стулом, а подъезжая под него, аккуратно левой рукой наносить тушью тонкие линии сетки кроссворда.

За обычным столом, удерживая ватман левой рукой и рисуя правой это и то сделать трудно. А ведь необходимо ещё учитывать, что при выполнении сетки, необходимо придерживаться установленных правил и размеров, таких, например, что независимо от рисунка, кроссворд должен занимать место равное 17-ти клеткам по горизонтали и вертикали и каждая из клеток должна равняться 7 кв. мм., в верхний угол которых надо было ещё вписать цифры.

Здоровому человеку это было выполнить трудно, а уж инвалиду – просто невозможно. Невозможно!.. Но, только не Геннадия Николаевичу!

В редакцию его работы приносила Зинаида Ивановна или сын Андрей и внучка Юлия. Иногда автор отправлял их по почте, подписывая письма своим знакомым ровным почерком. Аккуратным, даже если накануне тяжёлый приступ сбивал с ног и нарушал зрение.

Позднее появились новые увлечения. Геннадий Николаевич своими силами переоборудовал управление автомобилем,

научился его водить. И расступились стены комнаты – человек, который казался обречённым на скучную жизнь, вырвался на простор. Он просто повергал в шок сотрудников Госавтоинспекции, которые останавливая его по разным причинам, видели за рулём не целого человека, а только его туловище и левую руку.

По этому поводу нельзя не вспомнить рассказ Рудольфа Яковлевича Евилевича, который в суровые дни Великой Отечественной войны, будучи двадцатилетним лейтенантом-сапёром, вследствие тяжёлой контузии, лишился зрения и почти полностью слуха. Но, он, как и Геннадий Николаевич – человек большого нравственного подвига, сумевший перешагнуть через трудности, свой тяжёлый недуг и остаться в строю. Он долгое время занимался журналистикой, являлся организатором и руководителем одного из первых в стране клубов красных следопытов «Десант» при Куйбышевском Дворце пионеров.

«...Москвич» бодро катил по гладкому загородному шоссе. С обеих сторон мелькали за густой зеленью лёгкие дачные строения. И вдруг мотор «закашлял». Скорость резко упала, «Москвич» сделал несколько натужных рывков и, обессилев, встал на обочине.

Взад и вперёд по асфальтированной дороге проносились автомобили. Никто не обращал внимания на «Москвича» со вздыбленным капотом и возившегося под ним человека. Но вот возле злополучной машины остановился зеленоватый «Запорожец». За рулём сидел мужчина лет сорока пяти с заметной проседью в тёмных волнистых волосах. Красивое и мужественное лицо. Широкие развёрнутые плечи. Левая, рука отлично натренированная рука атлета, спокойно лежала на баранке. Правое сиденье занимал мальчик, как две капли воды похожий на человека за рулём. Только цвет волос у мальчика был значительно светлее.

«Добрый день! Что случилось?» – поинтересовался хозяин «Запорожца». Голос у него был низкий, чуточку хрипловатый.

«Да вот, мотор отказал», – с досадой отозвался пострадавший.

«Давайте вместе посмотрим».

Запорожец» встал позади «Москвича». Из него сначала вышел мальчик. А то, что произошло в следующее мгновение, заставило владельца «Москвича» онеметь от неожиданности. Человек за рулём «Запорожца» словно бы нырнул через распахнутую дверцу вниз под колёса и предстал перед глазами поражённого хозяина «Москвича»...укороченным наполовину. Правой руки у него тоже не было. Придерживаясь левой за корпус машины, он проехал вперёд на низенькой тележке. Растерянность владельца «Москвича», казалось, нисколько его не смутила. Он деловито заглянул в раскрытую головную часть машины, затем стал что-то делать там, ловко орудуя единственной рукой. Пригнувшись, из «Запорожца» вышла миловидная женщина в зелёном платье с короткими рукавами. Она держала на руках маленькую белокурую девочку со вздёрнутым носиком. Обе с одинаковым удовольствием принялись собирать полевые цветы в стороне от шоссе. Оттуда доносился тоненький восторженный голосок: «Баба Зина, ещё цветков!» Только мальчик не находил для себя достойного занятия. Сунув руки в карманы брюк, он прохаживался возле скучающего «Запорожца». Зато «Москвич» «вздыхал» гайками и винтиками заупрямившегося двигателя. Хозяин «Запорожца» то сам работал отвёрткой или просто пальцами, то давал указания владельцу «Москвича», пылливо наблюдая за его работой.

Мальчик осторожно подал голос: «Папа, скоро?»

«Имей терпение, Андрюша», – не отрываясь от дела отозвался отец. Повозиться пришлось ещё долго, пока, наконец, не зашумел мотор.

Об этом, не совсем обычном случае, рассказал журналисту сам хозяин «Москвича». А человека, выручившего его из беды, звали Геннадием Николаевичем Кудрявеньковым...»

Думаю тут уже никаких вопросов кроме восхищения просто не возникает! И, кстати, беседуя, с Геннадием Николаевичем – просто забываешь о его страшном прошлом, о рубцах на его теле, оставленных войной. В борьбе за жизнь он не только выстоял, но и достиг немалого.

Ещё одно увлечение – стихи. Многие из них были опубликованы на страницах городских газет. Особенно удачны его стихи, написанные для маленьких читателей. В каждом таком небольшом произведении есть изюминка, поворот, который заставляет малыша и улыбнуться, и задуматься. В них нет назидательности, и в то же время, каждая строка призывает маленького человечка к полезной жизнедеятельности. Прочтёшь и не подумаешь, что их написал человек, вернувшийся к жизни после смерти...

А тема стихов для взрослых читателей – это мирное счастье людей, воспитание детей, борьба против ужасов войны, которые снились ему спустя много лет с того дня когда храбрый воин, кавалер орденов и множества медалей, был вынужден оставить поле боя. Жестокости войны он испытал на себе, её последствия он вынес на собственных

плечах. Было неимоверно трудно, но он верил в победу. Ещё перед призывом в армию Геннадий зашёл попрощаться к своей учительнице

и принёс одно из первых стихотворений, где были такие строки: «...Мы жизни все свои положим, но Родине своей поможем сломить жестокого врага...» Вот с таким настроением он уходил когда-то на фронт. Поэтому сейчас он по праву может заявить:

«Мне нужен мир, как воздух нужен мир!
Мир, чтобы жить, чтобы творить и строить,
Чтоб всё, что есть хорошее удвоить,
Чтобы любить, воспитывать детей,
Чтоб жизнь казалась сказкой для людей».

Много стихов, конечно, он посвящал своей жене – Зинаиде Ивановне, с которой своими руками построили они счастье, сделали тёплым, уютным, гостеприимным свой дом. Вырастили работающих, добрых и честных детей. И что, пожалуй, самое главное – человек этот не замкнулся в своих увлечениях: их многогранность и широта помогли ему в воспитании детей.

И когда они родились, Геннадий Николаевич, всё свободное время стал отдавать им. Учил Наташу рисовать, которая позднее окончила швейный техникум, получила высшее образование и стала Наталья Геннадьевна художником-модельером в ателье, о ней даже писали в газетах.

У Андрюши, понятно, больше было склонностей к боевым играм, и сделал как-то Геннадий Николаевич сыну костюм русского воина. Расписал бронзой ткань, так что получилась настоящая кольчуга. Сделал шлем, из красного сатина сшил плащ, из дерева выточил меч. Долго хранилась фотография этого рыцаря в семье. А надо сказать – домашним фотографом и летописцем, ведущем семейную хронику был опять же Геннадий Николаевич. Андрей окончил строительный техникум и как сестра также получил высшее образование. А когда через много лет Андрей-младший увидел своего папу на фотографии в костюме рыцаря, загорелся: «Дедушка, дедушка, и мне такой костюм сделай!». Всеми своими увлечениями заразил Геннадий Николаевич своих домочадцев. Не заставлял насильно, не уговаривал, а увлекал игрой, соревнованием, у кого лучше получится, кто интереснее придумает. Любит рисовать и Андрей и Юлия, которая вспоминала, что, обычно, рисовала одну половину сюжета, он другую. Так же и стихи сочиняли вдвоём: он одну строчку, она другую.

«А знаете, какую пушку мне дедушка сделал... Почти как настоящая! Из дерева её вырезал, а ствол железный!» – рассказывал Андрюша. Правда увидеть предмет Андрюшиной гордости, к сожалению, не удалось: пушка оказалась настолько привлекательной, что один из

Андрюшиных друзей по дворовым играм не пожелал с ней расстаться. Пушку Андрюше, конечно, было жаль, но сколько, кроме неё, дедушка мог мастерить других игрушек!

«Да разве наш дедушка только игрушки делает?» – напоминала Андрюшина сестра, в то время – восьмиклассница Юлия. – Он и костюм

карнавальный может

сделает и вышивает и фотографирует, и...» Но самое главное, считает Юля, дедушка всегда умеет утешить, подбодрить, когда что-то не получается. Пошутит, присказку какую-нибудь расскажет, мнения своего не навязывает, а только намекнёт, так вот, мол, можно сделать. И снова ясно и спокойно на душе. А цену хорошему настроению Андрюшин и Юлин дедушка хорошо знает....

Дети в этой семье по своему развитию опережали многих сверстников. Андрей – внук, в свои четыре года не только хорошо рисовал, но и знал буквы, умел их писать и читать. А внучка – Юлия прекрасно рисовала, писала стихи и сценарии к школьным праздникам, участвовала в агитбригаде и сочиняла музыку. И первому, кому

она доверяла прочитать новое стихотворение или послушать песенку – был дедушка.

С такой же любовью, вниманием, терпением занимался Геннадий Николаевич не только со своими детьми. На общественных началах одно время шествовал и над соседним детским садом и яслями, помогая совсем ещё крохотным ребятишкам осваивать азы рисунка. Оформлял для них таблички на шкафчиках с изображением зверьков, птичек, цветов и ягод. Рисовал для них забавные плакаты с распорядком дня и другие познавательные рисунки.

В доме их всегда были друзья детей, а позднее – друзья внуков. Они здесь и оркестр свой организовывали, и в «чапаевцев» играли, и к утренникам готовились, и маски придумывали. А позднее пришло ещё одно увлечение – кроссворды. Все любили их разгадывать, а Геннадий Николаевич позднее и начал их составлять, причём, как правило, делал несколько вариантов. У Геннадия Николаевича времени хватало на всё: и жене помогать, и с внуками заниматься, и стихи писать, и ещё не отставать в работе.

Кстати сказать, недавно у дочери Натальи – той самой Юлии, уже своя дочь Полина родила Наталье Геннадьевне правнука Даниила.

А у сына Андрея сейчас – сын Андрей и дочь – Ольга и двое внуков: Артём и Савелий.

Теперь пришла пора внукам и правнукам набираться житейской мудрости, вспоминая своего мужественного деда и прадеда.

На вопрос – «Счастливым ли вы человек? – Геннадий Николаевич всегда отвечал. – Очень счастливый!» И он продолжал себя чувствовать таким до конца своей жизни.

«Жизнь – это самое дорогое, что есть у человека. Но дорога она лишь тогда, когда ты не разменял её на мелочи, не скатился до слезливого прозябания – говорил Геннадий Николаевич.

«А для того, чтобы жизнь была интересной, надо найти в ней своё увлечение. Я не представляю себя без этого». И он выстоял и победил!

В процессе работы над литературно-документальным очерком – «Счастливый человек» были использованы следующие материалы: информация героя повествования – **Кудрявенькова Геннадия Николаевича**; материалы корреспондента отдела социальной политики вечерней газеты Куйбышевского горкома КПСС и городского совета народных депутатов «Волжская заря»: – «Андрюшин дедушка» (14 февраля 1983 года), «Я очень счастливый человек» (20 февраля 1993 года – «Вечерняя Самара») – **Чумаш Риммы Александровны**; документы, воспоминания и фотоматериалы сына – **Андрея Геннадьевича Кудрявенькова**, дочери – **Натальи Геннадьевны Чеснаковой (Кудрявеньковой)** и внуки – **Юлии Вячеславовны Агафоновой (Чеснаковой)**; материал из Памятной книги Самарской области (том 39) статья «Он выстоял» автор – **В. Тимошенко**; а также материалы и публикации следующих авторов: статья «Я люблю тебя, Жизнь!» (18 декабря 1977 года – «Волжская Коммуна») **Е. Митрофановой – Ивановой** (учительницы Кудрявенькова Г.Н.); брошюра «Минуты, доставляющие радость»; Статьи: «Мир, чтобы жить, чтобы творить» и «Настоящий человек» – нештатного корреспондента журнала «Социальное Обеспечение» – **Виктора Брянского**; статьи – «Человек в строю» (8 октября 1970 года – «Волжская Коммуна»); «Человек может всё» – («Волжский комсомолец» №129); брошюра «Люди трудной судьбы» **Рудольфа Яковлевича Евилевича**.

Редактором этого материала является сын Кудрявенькова Геннадия Николаевича – Кудрявеньков Андрей Геннадьевич

БОЕВОЕ БРАТСТВО

Тольяттинский вестник

Литературное приложение

Периодическое издание Тольяттинского местного отделения Всероссийской общественной организации ветеранов «БОЕВОЕ БРАТСТВО»

К выпускам № 4 и № 5 (27 и 28) – апрель 2022 г. Интернет-издание

Директор издания: Богатырёв В. Ю. Редактор: Чекунов С.П.

Адрес редакции: 445051 г.Тольятти, улица Маршала Жукова – 12.

При использовании материалов в печати ссылка на данное издание обязательна